

Протоиерей Владимир Хулап

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ

в ч е р а и с е г о д н я

ПРИТЧИ

культурный контекст
толкования святых отцов
исторические свидетельства

Владимир Хулап

**Евангельские притчи вчера и
сегодня. Культурный контекст,
толкования святых отцов,
исторические свидетельства**

«Никея»

2017

УДК 242
ББК 86.372

Хулап В.

Евангельские притчи вчера и сегодня. Культурный контекст,
толкования святых отцов, исторические свидетельства /
В. Хулап — «Никея», 2017

ISBN 978-5-91761-767-1

Евангельские притчи – важная составляющая учения Христа, они давно стали неотъемлемой частью мировой культуры. На протяжении двух тысяч лет люди черпают в них ответы на главные вопросы человеческой жизни. Протоиерей Владимир Хулап, историк и библеист, рассматривает притчи в историческом контексте эпохи. Рассказывая о жизненном устройстве древнего общества, книга проясняет смысл примеров и образов, которые использовал Иисус в своей проповеди. Авторский рассказ сопровождают слова святых отцов и богословов. Живой опыт их веры открывает читателю новые глубины духовного богатства евангельских текстов. Яркие и образные истории, увиденные через призму проблем современного общества, становятся жизненно важными для каждого и помогают расслышать обращенный к нам голос Христа.

УДК 242
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-767-1

© Хулап В., 2017
© Никея, 2017

Содержание

От автора	6
Почему притчами говоришь?	7
Косвенная прямота	9
Истина и жизнь	11
Духовная глухота	13
Правда, не режущая глаза	14
Голос через века	15
Путь домой	16
Странный дар	19
Улетевший птенец	21
Горечь чужбины	24
Где я? Кто я?	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Протоиерей Владимир Хулап
Евангельские притчи вчера и сегодня
Культурный контекст, толкования
святых отцов, исторические свидетельства

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р17-705-0178*

© ООО ТД «Никея», 2017

© Издательский дом «Никея», 2017

© Владимир Хулап, прот., 2017

* * *

*Издательство выражает глубокую благодарность протоиерею
Дмитрию Юревичу, зав. кафедрой библеистики Санкт-Петербургской
духовной академии, за помощь в подготовке книги*

От автора

Открыв Библию, мы найдем в ней разные литературные формы: величественную поэзию, краткие изречения, законодательные документы, исторические повествования, возвышенные гимны, развернутые проповеди, богословские трактаты, личные послания, пророческие видения и многое другое. Все это помогало библейским авторам донести до своих читателей голос Бога, говорящего о вечных и непреходящих ценностях. Иисус Христос тоже общался с людьми по-разному: Он проповедовал в классическом смысле этого слова, учил Своим примером, отвечал на вопросы и рассказывал истории, которые мы называем притчами. Каждое воскресенье, приходя в храм, мы слышим на литургии евангельские чтения, значительную часть которых составляют именно эти яркие и запоминающиеся новозаветные тексты. Они кажутся простыми и понятными, но, вникая в них повнимательней, мы не перестаем открывать для себя все новые глубины духовного богатства.

В основе этой книги – проповеди, катехизические беседы, материалы встреч с самой разной аудиторией. Перед вами не научный экзегетический комментарий, а размышления о прекрасных и многогранных текстах, которые играли важную роль в благовестии Иисуса Христа и остаются таковыми в проповеди Его Церкви. Мы вместе прочтем некоторые притчи, не только рассматривая их в историческом контексте евангельской эпохи, но и через призму проблем современного общества, и увидим, что они продолжают оставаться жизненно важными для каждого. Православное понимание Священного Писания всегда основывалось на его прочтении в Церкви и вместе с Церковью – обществом верующих, охватывающим континенты и тысячелетия. Поэтому прикосновение к Евангелию немыслимо без знакомства с опытом святых – людей, которые не просто красиво говорили о христианстве, но смогли действительно реализовать его в своей жизни. Тексты святых отцов и богословов прошлого будут сопровождать все наши размышления, помогая читателю прикоснуться к этой не изведанной для многих области и узнать, что вопросы, которыми мы задаемся сегодня, волновали умы и сердца христиан на протяжении двух тысячелетий.

Из всего многообразия евангельских притч были выбраны самые известные, особо, как нам представляется, значимые и актуальные для современного человека. Книга представляет собой значительно переработанное издание «Истории, рассказанные Христом. Как понимать евангельские притчи», дополненное толкованием притчи о брачном пире. Книга будет интересна как воцерковленным христианам, так и тем, кто делает в храме первые шаги или пока еще далек от него.

Перед вами – приглашение к совместному размышлению над словом Божиим. Открывая Евангелие, мы вновь слышим обращенный к каждому из нас голос Христа. И ответить на него должны всей нашей жизнью.

Почему притчами говоришь?

Косвенная прямота

Сегодня, включив телевизор или радио, несложно заметить, что политики, чиновники, журналисты стараются выразить свои мысли прямо и ясно, иногда такая прямота даже становится одним из способов заработать политические очки и популярность. Для достижения необходимого эффекта используется масса цифр, статистические данные, диаграммы, иллюстрирующие динамику развития того или иного процесса. Препарированное общество предстает перед нами в любом необходимом разрезе. Наверное, нередко это действительно необходимо: ведь цифры могут шокировать человека и побудить его к соответствующей реакции; однако чаще всего они остаются чем-то абстрактным и чуждым, поскольку нам сложно по настоящему идентифицировать себя с цветным сектором на диаграмме.

Совершенно не так обстояло дело две тысячи лет назад в далекой Палестине, где Иисус Христос ходил по городам и весям, возвещая Царствие Божие. Если мы посмотрим на евангельские тексты, то увидим, что значительная часть Его учения открывается именно в притчах, цель которых – сообщить людям ту или иную истину, однако не напрямую, не в лоб, а в некой завуалированной форме. В то время это был обычный стиль учения, и иудейские религиозные лидеры – книжники и фарисеи – очень часто и успешно использовали его. До нас дошло множество иудейских притч той эпохи, что свидетельствует об их востребованности и популярности. Слушатели ожидали, что к ним будут обращаться именно в такой форме, и те раввины, которые лучше рассказывали назидательные истории, обретали большее число последователей. Притчи широко использовались уже в Ветхом Завете: наверное, наиболее известную из них рассказал пророк Нафан для обличения греха царя Давида (см.: 2 Цар. 12: 1–6). Истории остаются в голове намного дольше, чем сухие и длинные лекции, оторванные от реальной жизни. Это объясняет популярность притч не только в Библии, но и в других культурах. К примеру, именно они принесли известность Эзопу: этические уроки этого знаменитого раба были облечены в форму историй, понятных людям из самых разных слоев общества. Притча – прекрасный способ растолковать то, что иначе может и не привлечь к себе внимания.

Словарь В. Даля определяет притчу как «поучение в примере», а современное литературоведение рассматривает как «небольшой нравоучительный рассказ в иносказательной форме». Мы будем считать притчей изречение или историю, имеющую не только очевидный поверхностный, но и скрытый глубинный смысл. Притча иллюстрирует скрывающуюся истину, она всегда включает в себе некий важный духовный или нравственный смысл, для понимания которого от слушателей требуется интеллектуальное усилие. Еврейское слово «машаль», переводимое как «притча», также означает «пример» и «образец». Тем самым притча задает определенные модели поведения, помогает человеку сделать правильный выбор в той или иной непростой ситуации. Притча всегда включает в себя иносказание, имеет символический подтекст; греческое слово «параболи» (отсюда русское «парабола»), которым был переведен еврейский термин, буквально означает «находящийся рядом» и указывает на наличие в притче связи между двумя (как минимум) уровнями понимания. Наше слово «притча» также содержит в себе эту идею связи, поскольку его славянское значение – «сплетенное с другим».

В Новом Завете под «притчей» может подразумеваться наглядная иллюстрация, основанная на реалиях обыденной жизни: пространная – притча о сеятеле (Лк. 8: 5–18); краткая – притча о жемчужине (Мф. 13: 45–46), либо рассказ о чем-то, якобы происходившем в действительности, – притча о блудном сыне (Лк. 15: 11–32). Почти треть слов Христа, дошедших до нас в Евангелиях, – это притчи. Особенно много притч содержится в Евангелии от Луки – он считал их очень важными.

Каждая притча обычно говорит об одной основной истине, для понимания которой необходимо вдуматься либо в предисловие (притча о безумном богаче), либо в заключительную

часть (притча о немилосердном должнике); также важен контекст, в котором прозвучал назидательный рассказ.

Истина и жизнь

В Евангелии Христос не говорит академическим языком схоластики, не излагает тот или иной раздел учебника по догматическому богословию. Его цель – быть понятным для слушателей, которые по большей части были неграмотными крестьянами и ремесленниками, не способными усвоить сложные философские построения. Именно поэтому в притчах Христос всегда ведет речь о вещах, хорошо известных окружающим. Он берет реальный пример, событие повседневной жизни и использует для того, чтобы разъяснить глубокую духовную мысль. Человек лучше всего постигает информацию, сравнивая ее с имеющимся у него багажом знаний. Поэтому Христос и рассказывает эти истории, используя сравнения из области, хорошо известной слушателям. При этом в одном и том же предложении могут использоваться самые возвышенные и самые обыденные понятия, например: *Царство Небесное подобно закваске, которую женищина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё* (Мф. 13: 33). Христос говорит о пшенице, поле, горчичном зерне – вещах, с детства известных каждому иудею. Притчи показывают, что Христос прекрасно знал человеческую жизнь во всех ее проявлениях и что эта жизнь была Ему безразлична. Тем самым они демонстрируют единство всего творения, которое даже в самых «профанных» аспектах может многое сказать о своем Творце.

Местность Галилеи, северной области Палестины. В евангельские времена была заселена преимущественно еврейским населением.

Каждая такая земная история обретает небесное измерение. Поэтому в притчах истина никогда не выступает как абстрактная, отвлеченная идея: тесно связанная с нашей жизнью, она открывается нам как живая и близкая.

Евангельские притчи отличаются простотой, естественностью и безыскусностью. Христос видит засеянное поле и рассказывает притчу о сеятеле; сидит за столом и уподобляет Царство Божие радостному пиру; проходит мимо виноградника и говорит о виноградной лозе и ее ветвях. Так Он учит нас обращаться к людям, до которых мы хотим достучаться, используя их опыт, словарный запас и общественный контекст, – тогда эффект наших слов будет намного большим. Мы же для правильного понимания притч должны принимать во внимание отра-

жившиеся в них исторические, географические и политические обстоятельства, ведь условия жизни в современном мегаполисе разительно отличаются от быта палестинских крестьян.

Источник у внешних городских ворот Вирсавии. Датируется XIII–XII вв. до н. э., но не исключено, что восходит к патриархальным временам: *Авимелех же... сказал: семь агниц сих возьми от руки моей, чтобы они были мне свидетельством, что я выкопал этот колодезь. Потому и назвал он сие место: Вирсавия* (Быт. 21:28–32).

Притчи-истории (о милосердном самарянине, о мытаре и фарисее, о блудном сыне) вполне могли быть взяты из повседневной жизни, однако их «историчность» не важна, поскольку текст представляет собой лишь оболочку для изъяснения духовных истин. Эти истории – примеры, говорящие нам о том, как следует поступать и чего избегать. Они адресованы не человечеству вообще, а нацелены на конкретного человека, слушающего или читающего притчу. Мы должны поставить себя на место одного из действующих лиц, чтобы оценить свое поведение евангельской меркой, которую предлагает нам Христос. Каждая притча требует от нас выбора – выбора веры: если мы принимаем слова Христа как обращенные к нам, они должны что-то изменить в нашей жизни, в противном случае притча так и останется красивой историей.

Духовная глухота

Евангельские притчи стремятся открыть людям истину. Однако настоящее понимание дается лишь тем, кто по-настоящему серьезно относится к поиску Бога. Хотя в притчах говорится о всем понятных вещах, они нередко скрывают истину от тех, кто не желает открыть свое сердце Богу. Об этом написано еще в Ветхом Завете: *Человек рассудительный скрывает знание* (Прит. 12: 23). Это не означает, что знание похоронено, но, чтобы достичь его, от нас требуется усилие ума и очищение сердца. Сам Христос говорит, что иногда Его притчи открывают учение лишь некоторым из слушателей, оставляя остальных в недоумении: *И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаи, которое говорит: «слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их». Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали* (Мф. 13: 10–17). Тем, кто действительно стремится постичь истину, притчи открывают глубокое духовное знание, для других они становятся свидетельством черствости их сердца, знаком того, что они пришли ко Христу за чем угодно, только не для обращения и исцеления.

Правда, не режущая глаза

В притчах можно сказать то, что иначе могло бы вызвать отторжение, поскольку заложенное в них послание зачастую резко противоречит господствующим взглядам. Именно поэтому многие притчи Христа раздражали фарисеев: Он излагал мысли, которые были им неприятны, однако, поскольку это было в косвенной форме, открытый конфликт не возникал. Можно напрямую сказать людям, что следует любить всех, в том числе иностранцев и иноверцев, а можно рассказать об этом притчей о милосердном самарянине – и тогда на вопрос, кто же этот ближний, ответил фарисей, побуждаемый очевидностью ответа. Можно прочитать длинную проповедь о том, что Бог есть любовь, используя для доказательства тезиса библейские цитаты, богословские и философские построения, а можно сказать об этом с помощью трогательной притчи о блудном сыне с ее образом отца, бегущего навстречу сыну. Притчи не вынуждают нас согласиться с теми или иными взглядами, но естественно приводят к принятию их, помогая наименее болезненно переосмыслить то, что казалось незыблемым и не имело ничего общего с Истиной Христа. И решение, к которому побуждает притча, становится решением собственного сердца.

Евангельские притчи нередко застигали слушателей врасплох, удивляя неожиданной, поразительной или провокационной концовкой. Именно это пробивало броню духовной слепоты и самодовольства слушателей, заставляя их задуматься о том, о чем они бы иначе никогда не задумались. Люди с удовольствием слушали историю, одобряли ее мораль и вдруг начинали осознавать, что сказанное касается их самих, более того, что их жизнь противоречит тому, с чем они согласились умом. Еще одно важное качество притч Спасителя: они всегда давали слушателям некоторую временную отсрочку, посеяв в душе семена, которые могли взойти намного позже. Наверняка люди потом вспоминали и обсуждали притчи Христа, пытаясь их осмыслить, и таким образом Его учение распространялось за пределы аудитории, перед которой они были произнесены.

Голос через века

Евангельские притчи, несмотря на кажущуюся простоту, не всегда легко понять, мы должны глубоко и личностно осмысливать их, поскольку только в этом случае они смогут изменить нас. Именно поэтому большая часть притч оставлена Христом без объяснений – чтобы привлечь внимание слушающих, приучить их мыслить, возвести от уровня земных реалий в мир духовной жизни. Только в двух случаях Он делает исключение и объясняет смысл рассказанных притч ученикам по их просьбе (притча о сеятеле объясняется в Лк. 8: 11–15; о пшенице и плевелах – в Мф. 13: 37–38). Христос призывает нас: *...будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* (Мф. 10: 16). Поэтому объединение духовной мудрости Церкви и простоты верующего сердца является залогом понимания того, что хочет сказать нам Христос. Если мы не понимаем ту или иную притчу сейчас, это не означает, что мы не поймем ее позже. Если у нас есть искреннее желание постигать Евангелие и жить со Христом, тогда Он даст не просто понимание текста, но откроет путь ко все более глубокому его усвоению всей нашей жизнью.

Притчи помогают нам легче понять и применить в своей жизни учение Христа, поэтому возвращаться к ним мы должны в различных жизненных обстоятельствах. Например, когда нам тяжело, мы можем вспомнить притчу о блудном сыне, в которой Небесный Отец ожидает нашего возвращения к Нему. Если перед нами встает необходимость оказать человеку помощь, а мы сомневаемся, стоит ли это делать, обратимся к притче о милосердном самарянине, где объясняется, кто наш ближний, – и многие вопросы снимутся сами собой. Эта яркая образность и ясная повествовательность притч позволяют глубже усвоить и закрепить в памяти содержащийся в них урок. Притчи легко запоминаются, и поэтому даже если с первого раза слушатель поймет не всю их глубину, то позже он всегда сможет вернуться к ним и открыть другие, прежде незамеченные аспекты.

Социальные и общественные проблемы приходят и уходят. Проповеди, произнесенные несколько столетий назад и касающиеся исторически обусловленных вопросов (например, рабства, античного театра, принесения жертв идолам), становятся неактуальными. Евангельские же притчи говорят об основополагающих для духовной жизни человека принципах, которые неизменны на протяжении веков. Притчи продолжают жить и в XXI веке – веке компьютеров, нанотехнологий и генной инженерии. Были открыты новые континенты, сделано множество научных открытий, произошли кардинальные общественно-политические изменения, однако эти тексты продолжают волновать сердца и умы, что свидетельствует о непреложности содержащихся в них вечных ценностей. Евангельские притчи – это не идеология определенной группы людей и не философская концепция, но обращенный к каждому из нас голос Бога, который неизменен, несмотря на меняющиеся реалии окружающей жизни; поэтому и притчи всегда сохраняют свою универсальную и вечную ценность.

Путь домой
Притча о блудном сыне

У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: «отче! дай мне следующую мне часть имения». И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: «сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих». Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: «отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим». А отец сказал рабам своим: «принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся». И начали веселиться. Старший же сын его был на поле; и, возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: «что это такое?» Он сказал ему: «брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым». Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: «вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка». Он же сказал ему: «сын мой! ты всегда со мною, и всё мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Лк. 15: 11-32

Странный дар

Многие наши современники говорят, что верят в Бога, но вопрос о том, в какого Бога они верят, очень часто повергает их в замешательство. Зачастую их образ Бога эклектичен, сформирован на основании собственных воззрений, предпочтений, жизненного опыта, страхов и ожиданий. Каков же Бог, в Которого верят христиане? О Нем говорится во многих притчах, но среди них есть одна, которую обычно называют притчей о блудном сыне, хотя ее вполне можно было бы назвать и притчей о любящем Отце. Чарльз Диккенс назвал ее прекраснейшим рассказом, написанным за всю историю человечества. Однако перед нами не просто замечательное литературное произведение, а евангельская притча, которая относится к каждому из нас. Рассказывая ее, Христос открывает нам истинный образ Бога – не просто сотворившего наш мир и давшего нам жизнь, но чрезвычайно близкого и равнодушного к каждому из нас, Бога, Который есть любовь (см.: 1 Ин. 4: 8).

Как видно из первых стихов притчи, Бог любит нас настолько, что позволяет делать свой собственный выбор, – и именно это обычно больше всего смущает нас. На протяжении последних столетий человечеству настойчиво и успешно внушали основные положения детерминизма, учения об обусловленности всех наших действий: мы не в ответе за свои поступки, мы – игрушка в руках внешних обстоятельств. Еще Спиноза сравнивал рассуждения человека о его свободе с мыслями падающего камня, говоря, что мы обладаем лишь иллюзией свободы. Карл Маркс доходчиво объяснял, что человек – продукт окружающих его экономических условий, Зигмунд Фрейд стремился показать, что поведение определяется неудовлетворенными половыми желаниями, а генетика уверяет нас, что жизнь в значительной мере предопределена еще до момента рождения полученным от родителей хромосомным набором. Люди охотно используют эти и другие подобные теории для оправдания своих ошибок и падений – чтобы не нести за них ответственность.

Однако Священное Писание являет нам иной взгляд на человека: с первых страниц Книги Бытия и до заключительной панорамы Апокалипсиса мы видим человека, наделенного свободой. Это слово означает сегодня для многих совсем не то, что вкладывает в него христианство. Сейчас, говоря о свободе, мы чаще всего имеем в виду свободу индивидуума от тех или иных предписаний (в том числе этических), которые рассматриваются как некое «внешнее бремя». Однако уже в Ветхом Завете мы читаем простые и глубокие слова, обращенные Богом к Израилю и к каждому из нас: *...жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь* (Втор. 30: 19). Каждого Бог рассматривает как обладающего свободой выбора и, как следствие, несущего личную ответственность перед Ним. Каждый человек – не просто космическая пылинка в вихре мировой истории, но участник диалога с Богом, который длится всю нашу жизнь. Более того, основные этические категории «добра» и «зла», «добродетели» и «греха» также возможны только при условии свободного волеизъявления.

«Существо нашей души одарено свободой, – пишет митрополит Московский Платон. – Поэтому мы не как машины, управляемые стремлением, но с рассуждением и советом без принуждения избираем доброе или злое. Если человеческий ум способен немного проникать в тайны советов Божьих, я полагаю, что Премудрый Творец дарованной свободой предуготовлял для нас путь к блаженству. Ибо известно, что где нет свободы, там нет места ни наказанию, ни награде. Если бы ты был всегда склонен только к добру, невозможно было бы тебе приписать ни добродетели, ни заслуги, ни чести; ты был бы тогда неким невольным орудием, которым действует другой, а не ты сам. Ты казался бы хорошим, но эта доброта, как не твоя, не от твоего произволения и усилия происшедшая, не приносила бы тебе ни чести, ни славы, ни награды. Нет! Премудрый Бог устроил тебя иначе, чтобы более тебя прославить и возвеличить: дал тебе

свободную волю; поэтому ты стал склонен к добру, но стал склонен и к злу». Дар свободы велик и одновременно страшен, поскольку цена его верного или ложного использования чрезмерно высока – наша жизнь или смерть.

Мы нередко задаемся вопросом: почему Бог не вмешивается и не останавливает нас или других людей от совершения ошибок? Нам хочется, чтобы Бог шлепал ошибающихся по рукам, осуществлял больший контроль – особенно над другими людьми, чьи недостатки и грехи мы видим как на ладони. Но если бы Бог принуждал человека творить добро из-под палки и предохранял от зла, наш мир превратился бы в общество бездушных роботов, запрограммированных на совершение добра, и оно потеряло бы смысл из-за отсутствия необходимого пространства свободы. Богу нужно именно сердце человека, а не хорошо отлаженная и выдающая один ответ программа. Следовательно, мы можем сделать ложный выбор, оказаться на неправильном пути, зайти в тупик, – и это наш собственный выбор, винить за который мы должны только себя.

Святитель Василий Великий пишет о даре свободы: «Но говорят, почему в самом устройстве не дано нам безгрешности, чтобы нельзя было согрешить, хотя бы и хотели? Потому же, почему и ты не признаешь слуг достойными, если держишь их связанными, но когда видишь, что добровольно выполняют перед тобою свои обязанности. Поэтому и Богу угодно не вынужденное, но совершаемое добровольно; добродетель же происходит от свободной воли, а не от необходимости, а свобода воли зависит от того, что в нас; и что в нас, то свободно. Поэтому, кто порицает Творца, что не устроил нас безгрешными, тот не что иное делает, как предпочитает природу неразумную, неподвижную и не имеющую никаких стремлений природе, одаренной произволением и самостоятельностью».

Улетевший птенец

Младший сын не просто проснулся однажды утром в свинарнике: он очутился там, сделав ряд ложных шагов, неправильно распорядившись своей свободой. Первый шаг – разрыв отношений с отчим домом – он сделал, можно сказать, от скуки. У него была семья, он ни в чем не нуждался, однако, вероятно, испытывал то, что когда-либо чувствуют все молодые люди – ему надоела монотонная семейная жизнь, у него возникло желание пожить в «настоящем» мире, вкусить «полноценной» жизни. Этот соблазн есть у каждого из нас: мы пресыщаемся благополучной обыденной жизнью и стремимся придать ей немного «остроты», на первый взгляд совершенно невинной, однако непредсказуемой по своим последствиям.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет о таком духовном состоянии: «От постоянно ясной погоды высыхает земля и заводятся во множестве черви и прочие вредные насекомые. Подобно этому действует на душу продолжительное спокойствие, даже производимое благодатью: в душе зарождается высокоумие, самомнение, самонадеянность, презрение к ближним, уничижение и осуждение их и тому подобные недуги духа человеческого, самые опасные и самые страшные».

Младший сын делает выбор – и глубоко ранит этим отца. Он просит выделить ему часть полагающегося наследства в неподобающее время и в высшей степени оскорбительным образом. Обычно наследство получают после смерти родственников, и молодой человек как бы говорит отцу: «Мне хочется жить так, как я считаю нужным, но ты, к сожалению, еще жив и проживешь неизвестно сколько, а я хочу уже сейчас вести себя как вступивший в права наследства, как будто ты уже умер». Падение начинается в тот момент, когда человек заявляет о своих правах, забывая о возложенных на него обязанностях. Сын видит в отце помеху своей молодой жизни: она скоро пройдет, и юноша не успеет самореализоваться так, как считает правильным и нужным, ведь именно он – кузнец своего счастья! Пусть не физически, но все же он убивает отца, устраняет из своей жизни ограничивающий свободу авторитет и открывает дорогу в мир, где нет запретов и господствует его собственное «я».

Ф. М. Достоевский с замечательной глубиной выразил философию этого образа жизни в словах Ивана Карамазова: «Если Бога нет, то все позволено».

Отец был глубоко опечален наглым и жестоким требованием, но исполнил его. Согласно ветхозаветному закону, старший сын получал две трети наследства, младший – одну треть (см.: Втор. 21: 17). Греческий оригинал притчи очень выразителен, в нем буквально сказано, что отец «разделил им свою жизнь», то есть отдал сыну не просто часть своего имущества, но часть своего сердца, самого себя. Он сделал это не потому, что был отцом-тряпкой, который не может настоять на своем и не заботится о дальнейшей судьбе своего чада. Отец поступает по любви, желая научить совершеннолетнего самостоятельного сына ответственности, которую мы берем на себя, делая жизненный выбор. Отец отдает сыну то, о чем он просит, чтобы показать его заблуждение, – не прибегая к суровым обличениям или запретам, но самым действенным способом, обучая на собственных ошибках, позволяя вкусить горечь плода свободы. Так бывает с каждым из нас: мы просим у Бога (или даже не просим, а просто берем сами как нечто само собой разумеющееся) то, что кажется нам необходимым в жизни, и Бог зачастую позволяет нам получить это – в надежде, что некогда мы захотим чего-то несравненно лучшего, захотим истинных благ, которые существуют только в доме Небесного Отца.

О различии этих истинных и мнимых благ прекрасно пишет митрополит Вениамин (Федченков): «Ну подумайте только, что обещает нам „тот“ мир! Он открывает и утверждает прежде всего, что он есть, воистину есть этот другой величайший мир. Боже! Какая радость! Если Колумб и его моряки не знали, как выразить свой восторг, и кричали в восхищении: „Земля, земля!“, то как же мы, верующие, должны радоваться и взывать: „Небо, Небо!“ Там человек сбрасывает с себя ограниченность свою – пространством и временем, сбрасывает свою большую телесность, как куколка, снимает свою оболочку прежнего червяка и радостно порхает по красивым цветам, вкушая из них сладкое питье! Там уже нет ни борьбы из-за куска хлеба, из-за одежды на нагом и беспомощном теле, из-за „жизненного места“ – из-за коего теперь ведутся ожесточеннейшие войны озверевших людей... Ну что перед этим все блага земли! Целый новый блаженный мир тайн, чудес, преславных вещей открывается вере нашей! И не понимаю, не понимаю: почему это род человеческий делает над собою такое духовное самоубийство, что хочет ограничить себя лишь этой малюсенькой планеткой – Землей, с ее несовершенством и ожидающими мертвеца тремя аршинами темной могилы, полной жадных и гнусных червей! Бедные, бедные люди! И счастливы верующие!»

Отец в притче позволяет сыну на собственном опыте почувствовать разницу между отчим домом и всеми прелестями самостоятельной жизни вдали от него. Сын не останавливается на получении надлежавшей ему части и идет дальше, делая следующий опрометчивый шаг – он продает свое наследство. Слова «собрал все» сегодня мы могли бы перевести как «продал все имущество». В культуре той эпохи это было совершенно немыслимо – ни один находящийся в здравом уме человек никогда не продал бы землю, которая принадлежала его семье. Однако сын, не заботясь о том, как его эгоизм отразится на домашнем хозяйстве, берет треть всех семейных ресурсов и уходит из дома – чтобы наконец-то пожить, как ему хочется. Продажа имущества показывает, что он не собирался возвращаться; совершенно самостоятельный и уже «похоронивший» отца, он порвал со своим прошлым. Сегодня мы живем в другой культуре: большие семьи, в которых под одной крышей жили несколько поколений, практически исчезли. Молодежь стремится как можно раньше покинуть родительский дом, чтобы жить самостоятельно. Однако две тысячи лет назад такой не мотивированный никакими внешними обстоятельствами уход воспринимался как вызов, как плевок в лицо – не только отцу, но и всем окружающим. Этот уход от добродетели ко греху зачастую незаметен, но именно в этом заключается его опасность.

Пустыня Негев занимает около 60 % территории современного Израиля. Вероятно, во время исхода из Египта евреи проходили через эту пустыню на пути в Ханаан.

Святитель Григорий Нисский пишет: «Гнусное лицо порока раскрашено разными, хотя только наружными, но соблазнительными красками. Он представляет себя не под видом зла, а как будто добра, он обещает великие наслаждения, удовольствия, выгоды. Он готов тотчас эти обещания исполнить, как только кто им поверит. А чтобы его хитрость была удачнее, он свою соперницу, то есть добродетель, представляет в виде угрюмом, жестоком, тяжелом. И обещания ее ставит под сомнение: они или не сбудутся никогда, или если и сбудутся, то не скоро, и плоть уже изнурится подвигом, и дух утомится от ожидания. Лучше, дескать, пользоваться настоящими выгодами, сразу получаемыми, чем теми, которые еще остаются в надежде, да и требуют великого терпения, да и вообще сомнительны. Вот прельщения порока, вот его подлоги и искушения! Так мы и привлекаемся ко греху, так и уклоняемся от добродетели!»

Горечь чужбины

Сын собирает деньги и уходит из жизни отца, как можно дальше от дома, от таких до боли известных и наскучивших ему окружающих «в далекую страну» – яркий пример ребенка, бунтующего против родителей. Вероятно, сердце отца было разбито его уходом, вероятно, он пролил много слез из-за безрассудного поведения сына. Бог, любящий Отец, также позволяет нам уйти из состояния богообщения, но этот шаг разбивает Его отеческое сердце. Кого представляет младший сын – людей, которые сотворены по образу и подобию Божию, но живут так, как будто Бога не существует, или христиан, которые пребывали в особых сыновних отношениях с Ним, но, оставив Его, ушли в дальнюю страну греха? Наверное, этот образ применим и к тем, и к другим, но во втором случае плоды ухода из отчего дома намного горше.

В дальней стране младший сын получил совсем не то, чего ожидал. Она пленила его свободой, а достаточные средства давали молодому человеку возможность выбрать образ жизни по душе. Может быть, он сразу открыл там «свое дело» или вложил деньги и получил прибыль, доказав, что он взрослый и может правильно распорядиться своей жизнью? Нет, притча говорит, что он «расточил имение свое, живя распутно». Греческое слово, переведенное на русский язык как «распутно», означает «неправильно», «разнузданно», «дико». Едва ли молодой человек ушел так далеко, чтобы бездарно потратить деньги на разгульные вечеринки, музыкантов, танцовщиц, вино и прочие утехы; наверное, у него были какие-то планы, стремления, принципы. Вероятнее всего, он начал с малого, сперва отпраздновал первый глоток свободы, а она с каждым вдохом пьянила его больше и больше, и кутежи пошли бесконечной чередой. Глядя со стороны, легко осудить младшего сына и сказать: его ошибки очевидны, разве он не сознавал безрассудности своего поведения? Однако у каждого из нас в жизни были моменты, оглядываясь на которые мы недоумеваем: неужели это был я? неужели я не видел того, что делаю? Но мы нередко не осознаем своих поступков, поскольку свобода оборачивается новым рабством греху, который кажется привлекательным и безобидным.

Митрополит Московский Платон задается вопросом: «Почему же иногда грех кажется нам приятным? Потому что мы представляем его как добро, а не в настоящем его виде и тем себя охотно обманываем. А если бы мы видели грех в его настоящем виде, ничем не прикрывая его, то ужаснулись бы его страшному лицу и никогда не дерзнули бы простереть к беззаконию своих рук».

Поставив себя в центр системы координат, юноша сам становится мерилom своей жизни, и вся его ценностная система деформируется и извращается из-за отсутствия надежных ориентиров. Действительно, внешний мир настолько привлекателен, люди в нем полны жизни и так прекрасно проводят время! Вступая на этот путь, мы думаем, что те ужасные вещи, которые случаются с другими, ни за что не произойдут с нами – мы же умнее. **Те** деньги, которые получил от отца младший сын, не были ни добром, ни злом – они могли стать его «путевкой в жизнь», и их плоды он мог бы через некоторое время продемонстрировать отцу, однако деньги стали источником все большего удаления от того, чем он жил в отчем доме.

Бронзовая монета, отчеканенная в Иерусалиме в правление Понтия Пилата (26–36 гг.).

Сестерций императора Нервы (96–98 гг.). *Британский музей*

Святитель Иоанн Златоуст так рассуждает об этой двойственности всего, чем мы обладаем: «Тело служит средством и к пороку, и к добродетели, подобно оружию, которое пригодно и на худое, и на доброе, в зависимости от того, в чем оно употреблении. Так, одним и тем же оружием действуют и воин, подвизающийся за отечество, и разбойник, вооружающийся против граждан. Следовательно, никакое оружие не виновно, а виновен тот, кто употребляет его во зло. То же самое надлежит сказать о плоти. Не по собственной природе, а по расположению души она может быть и тем, и другим. Когда ты с жадностью смотришь на чужую красоту, глаз делается оружием неправды не по своему природному действию, но по лукавству управляющего им помысла, потому что назначение глаза смотреть, а не смотреть лукаво. Обуздай помысел – глаз делается оружием правды. То же следует сказать о языке, руках и прочих членах».

Рано или поздно мы отчетливо ощущаем на себе последствия каждого нашего серьезного жизненного выбора. Деньги у младшего сына быстро закончились, и одновременно в той области начался голод, что повергло юношу в крайнюю нужду. Его состояние – яркий пример последствий греха: наслаждения, к которым стремится человек, заканчиваются глубоким разочарованием, и вместо стола с изысканными блюдами и напитками он оказывается у свиного корыта пустой жизни без Бога.

Святитель Тихон Задонский так говорит о грехе: «Грех отлучает от Бога, у Которого только и есть жизнь, Который есть Источник жизни, отлучившуюся душу лишает жизни и умерщвляет ее. Такой человек жив и мертв: жив телом, но мертв душой. Так прародители наши в раю в тот день, когда вкусили от заповеданного древа и согрешили, умерли, по слову Господню: *... в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2: 17). Так о блудном сыне, который отлучился было от отца своего, но потом с покаянием обратился, сказано: *Сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся* (Лк. 15: 24). Не о телесной смерти здесь говорится, потому что он и в разлуке с отцом телом был жив, но о душевной, от которой ожил, когда от заблуждения возвратился к отцу чрез покаяние... Непременно мертвые отпадают от жизни. Как удалившийся от света пребывает во тьме, так удалившийся от жизни пребывает в сени смертной. Ибо где нет света, там тьма; и где нет жизни, там смерть. Бог есть свет жизни, свет животворящий, следовательно, во тьме и смерти все те, кто от Него отлучился».

Грех уводит нас из отчего дома, обещая очень многое – что, как нам кажется, доставит удовольствие, принесет настоящее удовлетворение. Грех обещает свободу, но дает только рабство, обещает успех, но приводит к краху, обещает «настоящую» жизнь, но возмездие за грех – смерть (см.: Рим. 6: 23). Люди нередко задаются вопросом о том, почему в их жизни все идет не так, как хотелось бы.

Они находят любые ответы на этот вопрос, кроме одного: «Грех – причина всех скорбей человека и во времени, и вечности. Скорби составляют как бы естественное следствие, естественную принадлежность греха, подобно тому как страдания, производимые телесными недугами, составляют неизбежную принадлежность этих недугов, свойственное им действие» (святитель Игнатий (Брянчанинов)).

Проблема усугубляется тем больше, чем дольше мы пребываем «в далекой стране»; чем сильнее мы восстаем против Бога, тем более делаемся голодными и опустошенными.

Слова апостола Павла *что посеет человек, то и пожнет* (Гал. 6: 7) применимы не только к младшему сыну, но и к каждому из нас. Любой уход от Бога, даже на первый взгляд безобидный или сделанный под влиянием якобы вынужденных обстоятельств, может иметь очень тяжелые последствия. Конечно, к Богу можно вернуться, но возвращаемся мы в состоянии намного худшем, глубоко израненные грехом, опустошенные. Мы успокаиваем себя, говоря, что еще немного, и возьмемся за нашу духовную жизнь – с понедельника, с первого числа, со следующего поста и т. д. Однако никто не знает, будет ли у нас время и возможность вернуться. Ведь смерть настигает людей самого разного возраста, здоровья, профессии, и никто не даст гарантии, что она не придет именно тогда, когда мы будем находиться в «дальней стране». В этом случае наш уход станет улицей с односторонним движением, вернуться по которой невозможно.

Преподобный Иоанн Лествичник пишет: «Иному помысел нередко внушает: „Ты еще молод, в старости покаешься“. И если он доживет до старости, помысел скажет: „Теперь ты состарился и имеешь нужду в покое“. Однако необходимо ежедневно работать Господу со стра-

хом и трепетом, ибо кто сказал нам, что мы доживем до старости? А если и доживем до старости, то будет ли у нас добрый помысел, если уже с этого времени мы не радим о своем спасении? Пока рана еще нова и горяча, она легко исцеляется, застарелые же, оставленные в небрежении и запущенные раны нелегко излечиваются и для заживления своего требуют многих трудов, резаний, присыпаний и прижиганий. Многие раны от времени делаются неисцелимыми, но у Бога все возможно (см.: Мф. 19: 26). Чем позднее покаяние, тем оно тягостнее».

Притча призывает нас сегодня, здесь и сейчас взглянуть на себя и понять, где мы в действительности находимся и куда нам следует идти.

Где я? Кто я?

Самостоятельная жизнь юноши заканчивается у свиного корыта; здесь он понимает, что рабы в доме его отца живут лучше, ведь они получали пищу трижды в день, а он не мог даже досыта наесться тем, что ели свиньи. Вероятно, потеряв почти все деньги, он думал, что положение исправится, что все еще не так плохо. Однако вскоре ситуация достигла критической точки. Именно в подобные моменты человек чаще всего задумывается о смысле жизни вообще и о своей жизни в частности. Болезнь, смерть близких, разрушение семьи и т. п. – все это вырывает нас из бесконечной карусели повседневности, позволяет другими глазами взглянуть на происходящее, ставит перед нами страшный в своей беспощадности вопрос: «А зачем все это? Разве так я хотел прожить свою жизнь?» Вопросы очень неприятные, но только честные ответы на них могут изменить ситуацию.

Митрополит Московский Платон призывает нас: «Собери свою рассеянную мысль и, призвав помощь Господню, рассмотри с прилежанием внутреннее состояние своей души. Непременно благодать Божья откроет тебе, что обольщения чувств более управляют тобой, чем рассуждение, что страсти играют твоим сердцем, что ты не видишь прямой добродетели, а если и видишь, то держаться ее одной не в силах. Видишь ты доброе и хвалишь, но следуешь плохому. Тебя беспокоит совесть; тебя устрашает праведный суд, который определил от века, чтобы с пороком были соединены несчастливые последствия в этой жизни и в будущей. Ты предстанешь себе безобразным, бесчестным, смертоносным. Никак не следует тебе настолько презирать себя, чтобы желать оставаться в таком виде. Что же делать? Сбрось с себя эту гнусную одежду, поищи лучшей и облекись в нее, да будет вид твой похожим на тот, в каком ты сотворен. Ибо настоящий вид твой не есть дело рук Божьих, но ухищрение вражеской злобы и вредный плод твоего развращения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.